

Часть I

ПОГОНИ И ПЕРЕСТРЕЛКИ

Глава 1

Группа Медведя пропала где-то в районе Чернобыля. А ведь экипированы они были хорошо: взяли стволы, запасы и оборудование, да к тому же все семеро — парни тертые, в Зоне не первый год. Но — исчезли вместе с самим Медведем, который считался чуть не лучшим сталкером по эту сторону Припяти.

— А ну, проверь еще раз, — сказал я. — Точно два сигнала идут?

Мы лежали в кустах на склоне, внизу были развалины, покосившийся одноэтажный домик и водонапорная башня. Дальше — Чернобыль, за ним — широкая гладь Припяти. Город стоял на крутом берегу. Противоположный, пологий, летом зарастал буйной зеленью, но сейчас там все коричневое, рыжее и желто-красное: палая листва, земля да голые деревья. И синеют мелкие речушки, которые от Припяти начало берут. Песчанка, Рачья, Старик, Камышовая... Жаль, отсюда баржу не видно. Хорошая там баржа, большая, мощная, — я слышал, ее стали вместо парома использовать еще до Второй аварии, когда понадобилось многотонные грузовики, части башенных кранов и броневики через реку перевозить.

Пригоршня, мой напарник, вновь отдернул рукав. Я терпеть не могу таскать ПДА на запястье, ведь портативный компьютер, включенный в систему местного позиционирования, ясное дело, куда больше и тяжелее обычных часов. Это меня раздражает — все время кажется, будто что-то прицепилось

к кисти. Поэтому я почти всегда ношу ПДА в кармане рюкзака.

Напарник включил карту, пригляделся к небольшому прямоугольному экрану и сказал:

— Точно, двое внизу. И датчик движения молчит. Прямо там они, Химик, под этим холмом лежат. Почему ты их не видишь?

И вправду — почему? Никого у подножия холма нет. И тишина стоит, как ночью в морге: глухая, мертвая. Приподнявшись, я повел биноклем из стороны в сторону. Водонапорная башня, почти целый одноэтажный домик, деревья, руины, старый военный грузовик, просевший на левый борт... Раньше в таких частенько солдат возили, но последнее время что-то не видно их — на ходу, во всяком случае. Может, он еще работает, вдруг даже бензин в баке есть? Хотя нет, вряд ли...

Надо бы закурить. Я уже собрался расстегнуть клапан нагрудного кармана, но в последний момент передумал. Нет, позже, слишком уж обстановка неопределенная. Закуривать следует после того, как закончишь какое-нибудь важное дело — а сейчас оно только начинается.

— Ну что, Химик? — спросил Пригоршня. — Как там?

И тут взгляд поймал что-то необычное в траве. Точнее, для Зоны — как раз обычное, вернее, привычное.

— Так, одного вижу, — сказал я. — Справа от башни. Шмотки на нем темно-зеленые, потому трудно заметить. Но что-то с ним не так.

Оторвавшись от бинокля, покосился на Пригоршню. Он безразлично кивнул.

— «Не так» — мертвец, значит? Ну да, метки это и показывают...

Две неподвижные красные метки появились на экранах наших ПДА около пятнадцати минут назад, когда мы уже подходили к холму. Район Чернобыля — один из самых пакостных, сталкеры не любят сюда забредать, потому что тут компы работают ужасно. Создается впечатление, что вся об-

ласть накрыта какой-то аномалией, принципиально от других отличной: для людей вроде и безвредная, но сбивающая работу электроники и глушащая связь. Не всегда и поймешь, что компьютер показывает: цвет метки, которая обозначает высшую органику вроде человека, может меняться с зеленого на красный и обратно, будто носитель ПДА беспрерывно то умирает, то воскресает; или она вдруг погаснет, а через минуту возникнет вновь, но уже на километр в стороне...

— Но это не Медведь, точно, — сказал напарник. — Обычный сигнал, без всяких этих... добавок.

Я кивнул. Курильщик, наш постоянный скупщик, снабдил Медведя оборудованием для экспедиции и сосватал семерых своих парней. За это Медведь пообещал половину добычи. Но Курильщик не настолько сталкеру доверял, чтобы так просто отпустить, даже если его ребята будут Медведя сопровождать. Приборы, оружие, припасы — все это денег стоит. Ведь Медведь, после того как выбрался из той передрыги с зомби (большая группа, по его словам, напала на него в центре Чернобыля), дополз до Бара в одних штанах и рваной майке, израненный... Девки, которые в Баре работают, его выходили, а это тоже затраты: кормежка, лекарства, бинты. Теперь получалось, даже одежда, в которой Медведь на дело отправился, — и та скупщику принадлежит. В общем, Курильщик был заинтересован в том, чтобы экспедиция, во-первых, вернулась, во-вторых — с хабаром. Помимо того что он приличные средства вложил, тут еще и очень большой куш намечался. Ведь Медведь собрался отыскать не что-нибудь, а Поле артефактов, про которое в Зоне давно слухи ходили. Клялся-божился, что видел его, когда от зомби спасался, что оно где-то там, возле Припяти, и он найдет его опять, обязательно...

Курильщик, конечно, ухватил быка за рога и сторговал с Медведя половину ожидаемого барыша, хотя сталкер поначалу предлагал лишь десять процентов. Мы с Пригоршней другим делом занимались, поэтому с ними не пошли. Артефакты — моя специальность, я бы к Медведю

точно в попутчики навязался, отшив кого-нибудь из людей Курильщика, ну и напарник за мной бы пошел, куда ж он денется... Но не вышло. Когда мы в Баре оказались, скупщик уже извелся весь: Медведь на связь не выходит, парни его тоже, идите, Химик с Пригоршней, отыщите их непременно, я вам доверяю, вы свои в доску, бывалые, пройдете там, где эти семеро не прошли... А как он стонал, как горевал, когда я сказал, что меньше чем за половину от его половины мы с места не сдвинемся. Потом ругаться начал, обзывал нас нехорошими словами, но — делать нечего, сдался.

По самым скромным подсчетам, добытое с Поля артефактов можно было продать за четверть миллиона, и потому в ПДА, который Курильщик дал лично Медведю, тайно от сталкера была добавлена особая микросхемка, маячок, что вводил в метку дополнительную гармонику. Обычный ПДА не сообщает окружающим о том, кто его владелец, лишь сигнализирует, что кто-то находится неподалеку, плюс, если владелец погибает, посылает соответствующий импульс. Но теперь по компьютеру Медведя можно было определить, что это именно он.

Хотя сигналов его ПДА мы как раз и не видели. Зато видели два других...

Сняв свою ковбойскую шляпу, Пригоршня перевернулся на спину и стал глядеть в низкое осеннее небо. Напарник — белобрысый, на лбу у него шрам, оставшийся от плохо обработанной раны, с шестью красноватыми точками — следами скобков.

— Ну что? — в который раз спросил он, но я не отреагировал. Он молодой еще и оттого суетливый, энергичный чересчур. А в Зоне надо знать, когда нестись со всех ног, стреляя куда ни попадая, а когда окаменеть и не дышать, наблюдая за окружающим. Сейчас вот как раз второй случай: есть там кто-то, в развалинах, или нет? В этих, мать их, руинах?

— Труп один, а сигнала два. Значит, ищи второго.

Я кивнул. Датчик движения молчал, и я тоже не видел, чтобы внизу кто-то перемещался. Надо встать и спуститься наконец, но что-то меня удерживало.

— Идем уже, Химик. Задолбался я тут лежать.

— Ну елки-палки, какой же ты беспокойный! — в сердцах проворчал я. — Помолчи немного, я рекогносцировку произвожу.

— Что? — заинтересовался он, приподнимая голову. — Что ты производишь?

Я лишь поморщился в ответ. Образования ему явно не хватает. Я в Зоне проще мыслить стал, да и речь изменилась, огрубела. Но все же я, так сказать, интеллигент, на химфаке учился, а напарника сразу после школы в армию загребли, где он в десантники попал. Поднатаскали там, конечно. Говорит, даже в горячих точках бывал. С тех пор сноровка никада не делась и уже не раз нам жизнь спасала.

Надо идти, вроде спокойно. Хотя почему сигнала два, а тело одно? Непонятно...

А это еще что такое? Я поднялся на колени, да так резко, что Пригоршня забеспокоился.

— Что? Что там, Химик?

На полутораметровой высоте спиной к башне висел человек. Я бы не так удивился, если бы из его брюха торчал, скажем, лом, которым какой-то силач пробил и тело, и кирпичную кладку, — но нет, он просто висел там, словно насекомое, прилипшее к мухоловке на люстре.

Опустив бинокль, я глянул на Пригоршню. Он уже стоял на коленях рядом, чуть подавшись вперед, склонив голову и уперев приклад в плечо. Ствол плавно двигался из стороны в сторону. У напарника не простое оружие, а целый автоматно-гранатометный комплекс под названием «Гроза», который можно и в штурмовой автомат, и в карабин, и в гранатомет превратить, причем из первого в последний — всего лишь с помощью простого переключателя. На левом боку под мышкой висел компактный «Кипарис», правда, со сло-

манным лазерным целеуказателем, а на ремне справа — «Беретта».

— Что там? — напряженно спросил он, не опуская «Грозу».

— Человек на башне висит, — пояснил я.

— А! — выдохнул Пригоршня после паузы. — Вижу. Так это ж мертвец!

— Ну да, — согласился я. — Мертвец, однако.

— Тю! Ты сказал: «висит». Я думал, повис, держится за что-то, а он... Чем это его пригвоздили, не разберу?

Он опустил автомат и сел, поджав ноги. Вопросительно посмотрел на меня. Трупы для Зоны — обычное дело, нет в этом ничего удивительного. Я понимал, почему напарник торопится: не только из-за природной суетливости, но и потому, что надо бы все осмотреть до темноты и валить отсюда побыстрее.

— Так, ладно, — сказал я. — Хрен с тобой, идем.

Он тут же вскочил. Я тоже поднялся; мы начали спускаться — осторожно, не отрывая взгляда от дома, развалин и башни. Она пострадала не так сильно, как здания рядом, крышу только снесло, видны покореженные балки. Но, в общем, почти целая, и двери закрыты, возможно, даже заперты.

— Чего ты такой нервный всю дорогу?

Сделав еще несколько шагов, я ответил:

— Дело гнилое какое-то.

— Почему вдруг? Попали люди в передрагу, надо помочь... Ну и самим заработать слегка...

«Слегка»... Мы рассчитывали, если все сладится, поднять на этой операции тысяч сто. И по моим, и по напарника меркам — огромная сумма, в жизни мы такой не видели. Хватило бы на «вездеход-броневичок универсальный», о котором Пригоршня давно мечтал, и еще осталось бы.

— Так что гнилого? — повторил он.

Мы шли медленно, подняв оружие. У подножия холма по-прежнему ничего не шевелилось, вообще никакого движения не было.

— С чего это Медведь тогда к Бару не со стороны Чернобыля вышел, а от Мусорки? — спросил я.

— Ну, плутал, наверно... Он же едва на ногах стоял и соображал плохо из-за яда «ржавых волос».

— Плутал... Ладно, а у тебя еще такой вопрос не возник: почему Медведь толком не запомнил, где Поле артефактов расположено?

— Возник. И у Курильщика возник. Он мне говорил, что спрашивал у Медведя.

— Да что ты? Экий проникательный мужик наш Курильщик... И что Медведь ответил?

— Сказал: в полубреду был, когда от зомби уходил. Они ж Медведя потрепать успели, а еще он в заросли «ржавых волос» попал, и те его искушали. Девчонки в Баре мне сказали, он и вправду весь красный был, в сыпи и волдырях. Это не считая ран и ссадин. Мучился очень первые дни, потом только оклемался.

Мы спустились до середины склона. Я роста среднего, а Пригоршня почти на голову меня выше, так что ему лучше было видно. Но и я никаких опасностей не замечал. Ровный луг внизу, остатки сараев, башня с домиком и грузовик. И все. И никаких проблем. Однако, когда мы уже две трети расстояния до цели миновали, меня вдруг продрало — будто невидимые пальцы с длинными когтями прошлись по телу, сверху вниз. Я чуть не вскрикнул.

— Ты чё? — прошептал Пригоршня, когда я резко остановился, слепо водя перед собой стволом автомата.

— Не чёкай! — почти рывкнул я. — Там что-то есть.

— Та ну, брось. Нема ничего.

Не спрашивая разрешения, он снял с моего пояса бинокль и осмотрелся.

— Ага, пусто, — заключил Пригоршня через некоторое время.

У меня на поясе много сумок, да еще два контейнера особых, побольше и поменьше. Пока я доставал гайку

с куском бинта на ней, бинокль поднялся выше: напарник глядел поверх чернобыльских домов на Припять.

— Баржа стоит, — пробормотал он. — Вот объясни мне, Андрюха, чего она там стоит?

Пригоршня — единственный в Зоне, кто знает мое настоящее имя: Андрей Нечаев. Раньше еще Иван Пистолет знал да Витя Сумасшедший Кулак, скупщики из самых первых, кто здесь обосновался. Но давно нет их — один застрелился, а второй сбрендил.

— Стой, молчи, — велел я, примерился и швырнул гайку к подножию башни. И потом, левее, вторую, а после и третью — но уже правее, в сторону неподвижного тела в траве.

Нет, ничего там не было. Гайки упали нормально, и траектория тоже у всех была обычная. Так в чем дело? Я даже присел на корточки, потому что тошнить начало, внутренности скрутило. И знобит, пальцы на автомате чуть дрожат.

— Да что с тобой, Химик? — спросил Пригоршня, наконец преисполняясь серьезности. — Вправду прихватило? Но ведь пусто там, точно говорю! Трупы эти... ну так и что — трупы? У Курильщика вон в Баре под люстрой скелет висит. Это не показатель.

Я осторожно выпрямился, не сводя глаз с участка внизу. Бывало, предчувствия меня обманывали. Или заболеваю? Простудился, шастая по осеннему лесу да ползая брюхом по голой земле... И все же я топтался на одном месте, продолжая рыскать взглядом по окрестностям, пока напарник не взмолился:

— Слушай, Химик, мы так три дня спускаться будем. Ну сколько можно? Мы б уже нашли того Медведя или Поле это, на нычке у Курильщика сидели бы и ужин употребляли...

Это он, конечно, загнул: до Бара топать и топать, мы и к завтрашнему утру не успели бы. Не говоря о том, что где Медведь — вообще-то до сих пор неясно. Мы его, может, два дня тут разыскивать будем. Но, пожалуй, я таки чересчур

осторожен. Надо идти, тем более что отпустило вроде, не тошнит, и озноб прошел.

Я сказал:

— А знаешь, не верю я ни в какие артефактные Поля.

— Как? Как не веришь? — забеспокоился он.

— Да нет их, скорее всего, легенды это, понимаешь?

Любое такое... такое место, — я взмахнул рукой, — вот типа Зоны — легендами быстро обрастает да суевериями всякими. Потому что жизнь наша зависит не только от умения и осторожности, но и от форта. Отсюда и сказки всякие про Поле артефактов, Хозяев Зоны, Черного Сталкера, Монумент...

— Монумент — не сказка, — возразил он обиженно. — Скажешь тоже. Что, и Доктор, по-твоему, сказочка? И Хозяева Зоны — они точно есть!

— Конечно, Доктор не сказка, он вон скольких вылечил. Да я его и видел один раз. Но остальное... А, ладно, что с тобой спорить, с неучем!

Грузовик стоял к нам задом, к развалинам передом. Зеленый тент, зеленая кабина. Краска облупилась, вся в трещинах и рыжих пятнах ржавчины, дверца водительская открыта. Мы прошли мимо, на всякий случай заглянув внутрь. Никого, ясное дело. Хотя я не удивился бы, обнаружив зомби или просто скелет водилы в фуражке и с кобурой на боку, сжимающий баранку костяными пальцами. Зато возле переднего колеса лежали человеческие кости и два черепа, один — смятый, почти раздавленный.

Даже птицы здесь не чирикали и мухи не жужжали. Дойдя до башни, мы осмотрели висящее тело.

— Койот, — сказал Пригоршня.

Это и вправду был он — тощий рыжеватый сталкер с веснушчатым лицом. Висел, как Буратино в комнате у Карабаса Барабаса: голова свесилась на грудь, конечности безвольно повисли. Лицо искажено, словно перед самой смертью что-то напугало Койота... напугало до смерти. На правом запястье виден ПДА, а на земле под телом мокрая лужа. Никита шагнул ближе, осторожно ухватил за ботинок и потянул.

И тут же отскочил: с глухим чмоканьем Койот отлепился от кладки и рухнул под башней.

Напарник засопел и сплюнул в траву. Спина мертвеца потекла, будто сливочное масло на жаре — там что-то поблескивало и булькало, мягко подрагивало...

Мы быстро попятимся от тела, потому что, как только оно упало, вокруг начал распространяться специфический сладковатый запах.

— Ты раньше видел такое? — спросил Никита почему-то шепотом.

Я мотнул головой:

— Нет. Но ткани так не должны разлагаться, это бред.

Все еще пятясь, мы прошли мимо закрытой двери постройки и только тогда повернулись к мертвецу спинами. Койота я почти не знал, встречался несколько раз у Курильщика — сталкер как сталкер, обычный бродяга Зоны. Но на душе все равно не по себе стало, муторно как-то. Вот был человек — и не стало, причем умер страшной смертью, судя по искаженному лицу. Его ПДА будет давать сигнал, пока не разрядится, а после метка погаснет вслед за человеческой жизнью.

— Что-то мне на другого и смотреть теперь неохота, — признался напарник.

Все же мы подошли ко второму телу и стали молча разглядывать труп. Тут уж нельзя было сказать, испытывал ли покойный перед смертью такой же ужас, как Койот, или нет. Потому что лицо его, как и все тело, было не то объедено, не то наполовину растворено какой-то кислотой. Кожа слезла лоскутами, клочья одежды ввелись в плоть, будто смешавшись с нею. Целыми остались лишь ремень с пряжкой, которая блестела, словно только что начищенная, ботинки, кобура и ПДА на запястье, напоминавшем красно-бурую палку.

— Узнаёшь его? — спросил Пригоршня.

— Нет.

— Наверно, тоже кто-то из ребят Курильщика. Ладно, ты стой, а я в доме погляжу.

Чуть пригнувшись, он пошел к одноэтажному домику. Движения напарника изменились, стали вкрадчивыми, сдержанными и выверенными. Ноги в армейских ботинках бесшумно касались земли — и не верится, что этот здоровяк может так передвигаться. «Грозу» Никита повесил за спину, достал «Кипарис» и выставил его перед собой, сжимая обеими руками. У меня самого только «макаров» в кобуре, да еще «калаш», надо уже в конце-то концов что-то покруче приобрести... Хорошее все же оружие эта «Гроза». И дорогое, но я денег не жалел, потому что теперь чувствую себя рядом с напарником в безопасности. Ну, относительно. Настолько, насколько это вообще возможно в Зоне.

Перед приоткрытой дверью он остановился, прислушиваясь, затем толкнул ее стволом, присев, качнулся вперед. Глянул на меня, махнул рукой и исчез внутри. Я ждал, отойдя от трупa, изучая руины и грузовик.

Пригоршня появился вскоре — «Кипарис» под мышкой висит, длинные руки расслабленно вдоль тела покачиваются. Улыбнулся краем губ. Ну и хорошо, раз так. Пока он ко мне шел, я опустил ствол и присел на корточки. Все-таки, невзирая на его суетливость, лучшего напарника мне не сыскать. Мы с Пригоршней уже больше года по Зоне ходим и за это время стали друзьями, причем дружба наша такого рода, когда я на него, а он на меня можем положиться во всем. Я знаю — он прикроет. Он знает — я не кину, поделюсь барышом по-братски. Он стрелок, а я... я химик. Нет, стрелять я, конечно, тоже умею, но, вообще-то, из меня боец не самый крутой. У меня, слава Черному Сталкеру, другие достоинства имеются.

— «Око» там, — сказал он, проходя мимо. — А больше ничего нет. Я к нему боюсь подходить, ну его. Ты сам давай, я пока осмотрюсь еще.

И направился вокруг башни, шелестя травой.

А я растерянно спросил вслед:

— «Око»?

Он не обернулся — должно быть, про себя наслаждался произведенным эффектом.

«Око»! Редкая штукавина. И дорогая очень. Но я все равно продавать его не буду, для других дел пригодится... Стоп. Не дели шкуру недобытого артефакта, плохая примета.

Я вошел в дом. Наверное, здесь раньше какой-нибудь сторож жил. Вроде смотрителя маяка, только этот за водонапорной башней приглядывал. Теперь, конечно, давно нет никого: места вокруг глухие, дикие, в одиночку тут только зомби да деструкторы шастают. Комната пустая совсем, лишь в углу обломки стула и проржавевшее ведро. На стенах еще остались куски обоев, а штукатурка с потолка вся обвалилась, дранка видна.

Посреди комнаты где-то в метре над полом висел блеклый зелено-синий овал размером с кулак, формой и вправду слегка на глаз похожий. Полупрозрачный, в центре — густой, а по краям разреженный, так что сквозь него противоположная стена просвечивала. Состоял он из чего-то полуматериального: вроде и вещество там, а вроде и энергия. Я обошел его, почти касаясь плечом стен. Счетчик Гейгера молчал. Воздух чуть дрожал, артефакт был окружен шаром едва заметного мерцания, в котором иногда плясали искорки. Сощурившись, я присел на корточки. Ну надо же: окутавшее «око» пуховое облачко имело «ножку», напоминая просший из пола огромный одуванчик.

Когда я приблизился к артефакту, услышал едва уловимое жужжание — не жужжание даже, а зудение, как бы свист с тонким дребезжанием. Снимая с пояса контейнер, шагнул ближе, потом еще ближе и наконец оказался прямо возле «ока». Оно висело на высоте поясницы, я наклонился, заглядывая в центр. И увидел там, вполне четко, картину: землянка в окружении густых зарослей, рядом костерок горит, перед ним сидит на корточках мужик в камуфляжной куртке. Две короткие рогатины, железный прут, котелок... Незнакомец помешивал в нем палочкой. Я видел все это с высоты метра в три. Голова вдруг поднялась, резко повернулась — влево,

вправо, а после мужик уставился вверх, прямо на меня, так что я даже отпрянул, узнав Хемуля, известного в наших краях сталкера. Хемуль тоже отпрянул, повалился на спину, дрыгнув ногами и зацепив котелок. Дальше я плохо разобрал, но, кажется, один конец стержня вывернулся из рогатины, и котелок опрокинулся в костер. Звуков слышно не было; картинка внутри артефакта побледнела, будто ее заволокло серым паром. Последнее, что я увидел, — высунувшийся откуда-то сбоку Хемуль с пистолетом, из которого он принялся палить в небо. Я отшатнулся: на мгновение показалось, что сейчас он залепит мне прямо в лоб. Но ничего не произошло, пули из «ока» в потолок не вылетели. Зато когда я посмотрел вновь, картинка исчезла.

Вот такие дела. Интересно, там над ним тоже «око» висело, которое Хемуль раньше не замечал? Ведь наверняка что-то было, не пустого же воздуха он испугался... Надо, когда встретимся, напомнить про этот случай и спросить, что он видел.

Так или иначе, мне «око» ничем не угрожало, и я, став смелее, отстегнул от ремня фиксатор контейнера. Плотная пригнанная крышка тяжело сдвинулась в пазах, обнажив металлическое нутро. Я подвел контейнер под «око» и поднял, так что оно оказалось внутри. Придерживая снизу одной рукой, второй закрыл крышку. Шагнул назад.

«Око» проплыло сквозь стенку.

Черт! Я постоял, растерянно пялясь на него. Нет, на самом деле оно никуда не плыло, а висело себе по-прежнему на одном месте... Или все же сдвинулось немного? Точно — сместилось слегка, а теперь вот обратно возвращается, качаясь, как головка цветка на стебле... И что делать? Немного отступив, я вновь присел на корточки. Сощурился. Вот он, «стебель». Изогнулся, когда я контейнер сдвинул, но теперь распрямился. А что, если «кристалл» использовать? Сможет он эту ножку перерубить, перерезать? Да, пожалуй... Хотя — он же и сам редкий да дорогой очень. Стоит ли ради одного артефакта лишаться другого? И потом, если «кристалл»

с «оком» как-то взаимодействовать начнут... я же еще не пробовал их совместить и не знаю, что может произойти. Но если подумать, «око» более ценно. Курильщик, к примеру, за него раза так в полтора больше денег отвалит, чем за «кристалл».

Я прижал ладонь к висящему на поясе второму, маленькому, контейнеру и тут вспомнил, что артефакт, который мы недавно добыли возле заброшенной фермы, предварительно распотрошив двух зомби, сейчас у Пригоршни. Где он, кстати, почему так тихо снаружи? Забеспокоившись, я встал, попятился от «ока», испытывая иррациональное нежелание поворачиваться к нему спиной, и вышел из домика, подняв автомат.

И с облегчением опустил его, увидев напарника, который, должно быть, за это время успел обойти башню и теперь пытался отпереть дверь. Он склонился,ковыряясь в щели армейским ножом, выменянным у одного вояки за ящик водки и пять банок сгущенки, которые мы прошлой зимой раздобыли на заброшенном складе неподалеку от «Технопрома». Я направился к Пригоршне, а он тем временем, подвигав лезвием, рванул ручку и что-то с хрустом сломал — не то засов, не то язычок замка. Дверь открылась. Пригоршня сунулся внутрь — и заорал.

* * *

Крик был настолько диким, что в первый миг ошарашил: никогда раньше я не слышал, чтобы человек так кричал. Напарник дернулся назад. Поскользнувшись, упал на спину и пополз, не прекращая вопить. А я растерялся — застыл, вместо того чтобы схватить автомат и открыть огонь поверх Пригоршни, в темный дверной проем. Ведь сейчас оттуда что-то выскочит...

И тут меня опять пробрало, да сильнее, чем на склоне: словно невидимая рука просунулась в грудь, сдавила, сжала сердце. Я охнул, упал на колени, кажется, тоже завопил, хотя сам не слышал крика. Из башни лезло *оно*.

А Пригоршня уже карабкался на четвереньках, не оглядываясь, и кричал, разевая рот большой буквой «О». Когда его и меня разделяло несколько метров, я наконец смог совладать с ужасом, затопившим, казалось, все тело. Руки ходили ходуном, ноги подгибались, но я кое-как встал, прижал «калаш» к левому боку и открыл огонь. Загрохотало, задребезжало все вокруг. Пригоршня вдруг оказался совсем близко.

— Не пали, без толку! — проорал он в самое ухо. — Ходу!

Я прекратил стрелять; он схватил меня за плечо, дернув так, что я чуть не упал, и помчался прочь. Мы бежали, то и дело оглядываясь, и ясно было, что убегать смысла нет: *оно* двигалось куда быстрее, распространяясь от башни валом, набухая, догоняя... Ужас катился впереди, будто ударная волна, наполняя мозг слепой паникой.

— Не успеем! — проорал я. — Нет, стой, куда ты...

Но Никита уже запрыгнул в кабину, втягивая меня за собой, перекатился на соседнее с водительским сиденье.

— Ключ! Ключ есть...

Ключ и вправду торчал из замка зажигания. Пока я усаживался, Пригоршня его повернул. Мотор заурчал. Значит, он на ходу, грузовик этот, — наше спасение, потому что *оно* — вот уже совсем близко, уже накрыло мертвеца в траве, и тело того затрепетало, вспенилось красным, растворяясь, растекаясь по земле... Я затрясся, забился на сиденье, топая ногами под рулем, не попадая по педалям, наконец попал, дернул рукоятку передач и втопил газ так, что грузовик рванулся с места в тот самый миг, когда *оно* подкатило к задним колесам.